Образы прошлого

Сборник памяти А.Я.Гуревича

Центр гуманитарных инициатив
Санкт-Петербург
2016

УДК 130.2
ББК 83.3
О 23

Серия основана в 2004 г.
В подготовке серии принимали участие
ведущие специалисты ИНИОН РАН

Главный редактор и автор проекта «Письмена времени» С. Я. Левит
Составители серии: С. Я.Левит, И. А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л. В. Скворцов (председатель), В. В. Бычков, Г. Э. Великовская,
И. Л. Галинская, В. Д. Губин, П. С. Гуревич, А. Л. Доброхотов, В. К. Кантор,
Ю. С. Пивоваров, Г. С. Померанц, А. К. Сорокин, П. В. Соснов

Составители:
И. Г. Галкова, К. А. Левинсон, С. И. Лучицкая, А. В. Толстиков,
Т. А. Тоштендаль-Салычева
Научный редактор: И. И. Ремезова
Издание подготовлено при финансовой поддержке
Шведского Института (г. Стокгольм)

О23 **Образы прошлого:** Сборник памяти А. Я. Гуревича — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 752 с. — ил. — (серия «Письмена времени»)
ISBN 978-5-88415-997-6

Сборник посвящен памяти выдающегося отечественного историка-медиевиста, основателя исторической антропологии в России Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006). Он был иностранным членом Американской академии медиевистов, Королевского Норвежского общества ученых, Королевского общества историков Великобритании, Бельгийской и Нидерландской Королевских акаде-мий наук, Европейской академии, почетным доктором Лундского и Познанского университетов. Труды А. Я. Гуревича сыграли неоценимую роль в драматичной трансформации гуманитарной мысли второй половины XX в., в обновлении исторической науки в мире и в нашей стране. Желание почтить память замеча-тельного историка выразили ученые 15 стран Европы и Америки, лидеры миро-вой исторической науки.

УДК 130.2
ББК 83.3

© С.Я.Левит, И.А.Осиновская, составление серии, 2011
© Галкова И. Г., Левинсон К. А., Лучицкая С. И., Толстиков А. В., Тоштендаль-Салычева Т. А., 2011
© Издательство «Центр гуманитарных инициатив». Москва—Санкт-Петербург 2011

ISBN 978-5-88415-997-6

«Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных».

Речи Высокого

Введение

С. И. Лучицкая

Очерк жизни и творчества А. Я. Гуревича (1924–2006)

Творческое наследие А. Я. Гуревича, одного из самых замечательных историков XX века, поражает прежде всего многообразием и богатством сюжетов и тем, которыми на разных этапах своей научной «одиссеи» занимался ученый. Круг его интересов был чрезвычайно широк: социальная история Норвегии, древнеисландская и древненорвежская культура, культура феодальной Европы, народная культура Средневековья, проблемы методологии современной историографии, история исторической науки... Как ни удивительно, но все перечисленные разнообразные темы его исследований взаимосвязаны и взаимообусловлены, комплекс созданных им трудов отличает удивительная целостность.

Сам А. Я. Гуревич в одной из статей, подводящих итоги собственного творческого пути, утверждал, что труды историка неизменно несут на себе отпечаток его личности. Субъективность историка, — писал Арон Яковлевич,– «неизбежно и подчас незаметно для него самого самым активным образом участвует в отборе, осмыслении и организации изучаемого им материала»[1]. Это соображение в высшей степени справедливо относительно самого Гуревича. Отпечаток личности историка лежит на всех его исканиях и открытиях; его индивидуальность отразилась в его исследовательских подходах, выборе научной проблематики, его научных интересах и методологических пристрастиях. Видимо, понять внутреннее единство его научной тематики возможно лишь в том случае, если мы осознаем ту роль, которую играла в творческом поиске историка его личность. А это значит, что его научное наследие надлежит рассматривать в тесной связи с его биографией и с той исторической эпохой, в которую ему довелось жить и творить[2].

А. Я. Гуревич пришел на истфак МГУ в конце войны. Для страны и для каждого советского человека это было время надежд и ожидания возрождения. Будущий историк был полон планов изучения истории КПСС, он желал исследовать, как переродилась партия и каким образом сталинизм одержал победу. Только позже он понял, что свободное и независимое исследование современной истории собственной стра-

ны в тех условиях было не только невозможно, но и чревато серьезными последствиями, а в тот момент лишь случай привел его на кафедру истории средних веков[3]. Так судьбой ему было назначено стать медиевистом. В университете Арон Яковлевич занимался в семинарах под руководством крупнейшего знатока германских и франкских древностей А. И. Неусыхина и выдающегося специалиста по истории средневековой Англии Е. А. Косминского. После войны на кафедре истории Средних веков преподавали и другие видные ученые: Н. П. Грацианский, С. Д. Сказкин, В. В. Стоклицкая-Терешкович, М. М. Смирин, В. М. Лавровский, Б. Ф. Поршнев, — историки, благодаря которым сохранялись научные школы и высокий уровень преподавания.

Но вскоре ситуация в стране в целом и в гуманитарных науках в частности начала существенно меняться. Послевоенная эйфория, ожидание демократических перемен сменились «борьбой с буржуазным объективизмом» и «космополитизмом». 23 марта 1949 г. произошло памятное заседание кафедры истории средних веков, которое положило начало новой эпохе в истории советской медиевистики[4]. Отныне партийная принадлежность и «идеологическая преданность» стали более важными критериями, чем талант и знания. Начались «проработки» «безродных космополитов»; доминирующие позиции в медиевистике перешли к «новым людям» — А. И. Данилову и Н. А. Сидоровой, которые стали уверенно оттеснять представителей старой дореволюционной школы Так период становления А. Я. Гуревича как ученого-медиевиста был отмечен противостоянием официального режима и человеческой личности, и все происходящее исподволь формировало его общественное и научное мировоззрение и оказало сильнейшее влияние на нравственный и профессиональный выбор историка.

Еще на студенческой скамье Арон Яковлевич выбрал в качестве темы научного исследования социальную историю Англии. Под руководством профессора А. И. Неусыхина он начал изучать раннее Средневековье и в духе сложившейся в советской медиевистике традиции сосредоточил внимание на исследовании процессов втягивания крестьянства в зависимость от крупных землевладельцев, его эксплуатации и пр. Чтобы получить место в аспирантуре в те трудные годы, отмеченные борьбой против «безродных космополитов», А. Я. Гуревичу пришлось по совету крупнейшего отечественного медиевиста академика Е. А. Косминского, которому в то время было поручено создать сектор византиноведения, переключиться на занятия историей Византии. Углубившись в изучение византийских сюжетов, Арон Яковлевич проводил невольные параллели с современностью и вскоре стал ощущать нарастающую неприязнь к предмету своих исследований[5]. И с разрешения своего учителя Е. А. Косминского он вновь вернулся к

социальной истории Англии VII–XI веков, которой и была посвящена его кандидатская диссертация.

Уже в этой ранней первой серьезной работе начинающий медиевист отказался от принятой в советской историографии схемы генезиса феодализма, согласно которой феодализм возникает в результате экономических причин — имущественного расслоения свободных общинников, появления частной собственности, превращения крестьянского надела в товар и пр. Напротив, Арон Яковлевич пришел к выводу, что в Англии феодализм возник в результате пожалований королями фискальных, судебных и политических прав и полномочий, т.е. передачи королем духовенству, монастырям и служилым людям власти над населением определенных территорий посредством жалованных грамот. Эта особая форма собственности-власти получила в Англии название «бокленд» (т.е. земля, переданная по грамоте — от англ. “bok”, “book”).). В диссертации было убедительно показано, что крупное землевладение в Англии складывалось прежде всего в виде бокленда, а экономическое расслоение свободных крестьян-кэрлов имело второстепенное значение. Тем самым молодой историк подтвердил вывод знаменитого английского медиевиста Ф. Мэтланда, утверждавшего, что в раннесредневековой Англии «маноры спускаются сверху». Защищенная в 1950 г. диссертация была, несомненно, новым словом в науке. Проведенное в аспирантуре исследование побудило А. Я. Гуревича серьезно задуматься о той роли, какую играли в социальных процессах раннего Средневековья внеэкономические факторы.

Несмотря на блестящую защиту в 1950 г. диссертации, неблагонадежного историка не взяли в Институт истории Академии наук; начались поиски работы. После длительных мытарств Арону Яковлевичу удалось получить место в Калининском пединституте, где он работал с осени 1950 до лета 1966 г., когда в результате стечения случайных обстоятельств он впервые стал сотрудником академического учреждения — Института философии[6]. Эти 16 лет ему приходилось постоянно вести борьбу с администрацией, создававшей невыносимые условия работы. В течение этого времени его не единожды выгоняли из пединститута и лишь благодаря счастливому случаю восстанавливали в правах. При колоссальной педагогической нагрузке Арон Яковлевич мог посвящать исследованиям лишь то короткое время, когда на выходные приезжал в Москву. Тем более удивительно, что, несмотря на неблагоприятную для научных занятий обстановку, А. Я. Гуревичу удалось сделать в этот период чрезвычайно много: в эти годы были написаны его важнейшие исследования по социальной истории древнескандинавского общества. Тогда же происходил важнейший поворот в его исследовательских интересах и методологических принципах.

Как уже говорилось, Арон Яковлевич начал как историк социально-экономического направления. Заинтересовавшись недостаточно изученными формами собственности в Англии, он надеялся уяснить суть явлений, обратившись к истории более архаичных древнескандинавских социальных институтов. Чтобы восстановить недостающее звено, он прибег к методу сравнительной истории. Он надумал ненадолго «переселиться» в Скандинавию с тем, чтобы сравнить различные, и вместе с тем имеющие общие черты, формы собственности мелких землевладельцев — аллод (у франков), фольклэнд (у англо-саксов) и одаль (у древних скандинавов), — а потом вернуться в Англию и продолжить изучение социально-экономических отношений. Обращение ученого к скандинавским источникам оказалось судьбоносным. Сравнение — важнейший инструмент исторического анализа — позволило ему совершенно по-новому взглянуть на историю древних германцев[7].

Изучая норвежские записи права XII–XIII вв., Арон Яковлевич выяснил, что одаль — не просто форма земельной собственности, характеризующаяся рядом юридических признаков, а в высшей степени своеобразный комплекс самых различных отношений, включавших наряду с вещными правами структуру семейно-родственных связей, специфические формы мировосприятия и эмоциональные связи. Ему открылась неповторимая специфика отношения средневекового человека к земле. В «интимный» оборот «одаля» были включены, с одной стороны, предметы владения, объекты, земельные угодья, а с другой — люди, индивиды, группы. Сама земля становилась одалем в результате владения ею трех поколений, и потому между землей и владеющей ею семьей устанавливалась нерасторжимая связь. К этому социальному институту было невозможно применить понятие «частная собственность».

Далее, оказалось, что одаль — это и совокупность прав и понятий, связанных с обладанием землей. С одной стороны, одалем называлась неотчуждаемая наследственная собственность семьи, но этот термин имел и иное значение: «родина», «место жительства», «отчина». Таким образом, одаль был непосредственным продолжением личности скандинава, включал его представления об обжитой и возделываемой земле.

Кроме того, понятие «одаль» было связано с социальным и моральным статусом древнего скандинава. Оно было близко группе понятий, выражавших в германских языках прирожденные качества, благородство, родовитость, знатность лица. Происхождение от знатных предков облагораживало землю, которой владел их потомок, и обладание землей повышало его статус. Одаль не представлял собой инертную материю, безразличный объект. Скандинавы были связаны